

М. В. Анисимова

Особенности миссионерской проповеди в сочинениях и практике архим. Спиридона (Кислякова) в период тюремного служения (1901–1905)

Данное исследование посвящено архимандриту Спиридону (Кислякову), широко известному русскому миссионеру начала XX века. В работе выявляются формы и методы проповеднической деятельности архимандрита Спиридона во время тюремного служения (1901–1905 гг.). Именно этот период представляет особый интерес, поскольку его проповеди, произнесенные в тюрьмах Нерчинской каторги, были им же записаны. В задачи работы входит определение особенностей тюремного служения в контексте дореволюционной эпохи начала XX в., рассмотрение основных миссионерских целей и задач тюремного служения, а также анализ проповеднического наследия архим. Спиридона за время его служения в тюрьмах Нерчинской каторги.

Ключевые слова: миссия, тюрьма, пенитенциарная система, Спиридон (Кисляков), каторжанин, проповедь, миссионер.

Вопрос о миссии в местах лишения свободы имеет свою специфику. Серьезных примеров тюремного служения мы имеем совсем немного, поэтому изучение данного опыта представляется актуальным.

Архимандрит Спиридон (в миру Георгий Кисляков) — русский миссионер, живший на рубеже XIX–XX вв. и посвятивший всю свою жизнь проповеди Христа. Его имя широко известно по книге «Из виденного и пережитого. Записки русского миссионера». Также в начале XX в. были изданы его книги «Исповедь священника перед церковью» (Киев, 1919) и «Царь Христианский» (Киев, 1920). Нам удалось познакомиться и с неопубликованными работами архим. Спиридона — «Дневники» и «Воспоминания». Период тюремного служения представляет особый интерес, поскольку проповеди, произнесенные им в тюрьмах Нерчинской каторги, были записаны самим архим. Спиридоном.

На Руси в народе заключенных называли страдальцами. В праздники благочестивые люди всегда старались пожертвовать что-то из еды или одежды для тюремных сидельцев. Несмотря на некоторые улучшения материальных условий их содержания в XIX в. [Ходыкин, 18], многие осужденные болели и умирали. Сегодня эта проблема тоже актуальна¹. Главное страдание арестантов заключалось и заключается не в плохих материальных условиях существования, а в униженном и беспросветном положении, в котором они находятся.

Что касается религиозности осужденных, то в среднем в тюрьмах отмечался такой же процент верующих, что и на воле. По свидетельству о. Иосифа Фуделя, по большим праздникам в начале XX в. в церковь приходила «говеть» примерно треть от общего числа людей². Притом вера в Бога у арестантов проявлялась неодинаково. Чем больший срок получал осужденный, тем более он был расположен к покаянию. Сидельцы обычных тюрем с небольшими сроками каялись поверхностно, исполняя формальность. Для каторжан же характерно покаяние с горьким плачем. «Даже невинно осужденные горько плачут о самых простых грехах, считая их причиной наказания Божия» [Фудель. *Дневник. Православная община. № 3, 67*]. Архим. Спиридон, описывая свой личный опыт общения с каторжанами, говорит, что преступник «нравственнее и даже религиознее, чем мы, свободные граждане свободного мира» [Спиридон. *Воспоминания*].

Отец Спиридон свидетельствует об искании веры, жадном вопрошании со стороны арестантов при его появлении на каторге. Из-за недостаточного церковного просвещения православная вера выражалась в основном только в отправлении традиционного культа. Отец Иосиф Фудель говорит о полном религиозном невежестве русского человека: он знает, что грешен, но не знает,

1. «На сегодняшний день состояние пенитенциарной системы в России глубоко удручает. За ее проблемами стоят смерти многих людей, регулярно погибающих от пыток и неоказания своевременной медицинской помощи» [см.: Морозов О. Тюремное служение в РПЦ: гражданская инициатива против суррогатов. URL: <http://religionip.ru/news/oleg-morozov-tyuremnoe-sluzhenie-v-rpc-grazhdanskaya-iniciativa-protiv-surrogatov> (дата обращения: 18.08.2014)]. «Если в 1992 г. во всех камерах были относительно терпимые условия (60 человек вместо нормы 36), то в тех же камерах в 1993 г. сидит до 110 заключенных, где от духоты случаются сердечные припадки...»; «Спят по очереди, на полу, другой

раз без всякой подстилки, матрасов не хватает»; «Доходят сведения, что в некоторых провинциальных тюрьмах и колониях до сих пор применяются изощренные пытки» [Каледа, 74–75].

2. «Характеристичный факт: в пастырском послании к своей пастве Макария, епископа Томского (в 1895) пред началом Великого поста упоминается, что по полученным сведениям в г. Томске в 1894 г. из 36 тысяч православных жителей исповедовалось и приобщалось всего только одна треть, т. е. 12 тысяч.

То же самое и у меня — из арестантов говееет всегда одна треть» [Фудель. *Дневник. Православная община. № 4, 57*].

в чем каяться. В то же время проявляется христианское мировоззрение русского мужика, которое «таится под корою невежества и предрассудков на дне души», в отличие от интеллигента, который «хотя бы был даже православно-верующий, все-таки не обладает полным христианским мировоззрением; прогресс изломал его» [*Спиридон. Воспоминания*]. В начале XX в. интеллигенция снова пытается искать Бога в церкви, возвращаясь от Его отрицания к вере. «На воле как раз был период большой упадочности, аполитичности, распада партий, появления всевозможных группировок, богоискательства», — вспоминает одна из политзаключенных Нерчинской каторги [*Радзиловская, Орестова, 531*].

К вопросу о религиозном невежестве следует добавить, что в начале XX в. грамотных людей было совсем немного, и потому научение вере происходило путем устной передачи традиций, с помощью самой организации быта, включавшего в себя годовой круг церковных праздников, в котором обрядовая сторона имела воспитательное значение. По мере же утраты смысла христианских традиций и обрядов сами по себе они уже не являлись детоводителем ко Христу. В условиях оскудения церковного учительства прояснить вопросы веры возможно было бы с помощью чтения Писания и духовной литературы. Но это средство было доступно лишь небольшому проценту населения страны, так как большинство из них было неграмотным³.

Скажем кратко об условиях служения тюремного священника в начале XX века. В 1816 г. было учреждено «Попечительское общество», одной из главных целей которого было нравственное исправление содержащихся преступников, «наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности»⁴. Государство обязывало церковь к служению в тюрьмах и при этом регламентировало ее деятельность. Это было обусловлено характером церковно-государственных отношений. С одной стороны, для верующих постановления Общества имели рекомендательный характер, с другой стороны, обязательный.

Взгляды государства и церкви на задачи тюремного священника отличаются. Государственная пенитенциарная система заставляет преступника страдать морально и телесно, полагая это справедли-

3. Отправной точкой уровня грамотности по всей стране на начало века принимаются данные на 1897 год, признанные отечественными и зарубежными учеными: всего — 21,1 %, в том числе 29,3 % мужчин и 13,1 % женщин (см.: М. П. Кашин.

Грамотность // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1972. Т. 7).

4. Дело об учреждении Комитета Общества попечительного о тюрьмах. РГИА. 1819. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 1858. Цит. по : [Ходыкин].

вым и полезным как для исправления наказуемого, так и для профилактики преступности в обществе. Религия государству нужна лишь как средство для нравственного исправления преступника и контроля над ним. Отец Спиридон называет это «изолгавшейся человеческой справедливостью». Нравственность преступника волнует государственную власть лишь с точки зрения его способности мирно и надежно уживаться с согражданами. А религиозность рассматривается как дополнительный рычаг для управления народом.

Таким образом мы видим, что с точки зрения государства задача священника — способствовать нравственному перевоспитанию преступника. Дополнительной задачей священника был контроль за политической благонадежностью граждан. Это показывает, что религиозность была лишь средством для осуществления государственной цели, и духовное возрождение осужденных для государства не имело ценности само по себе.

Участие священника в решении таких государственных задач порождает определенные проблемы: если заниматься ими по одной лишь обязанности, то возникает опасность формализации дела. Это и происходило в ситуации потери многими служителями духа и смысла христианской миссии. А формализация миссии порождает эффект прямо противоположный ее настоящей цели: вместо сеяния веры и прославления Бога происходит угашение веры и поругание славы Божьей.

Не только в тюрьме, но и в любой области жизни при забвении церковью своей главной цели она становилась служанкой государства. Архим. Спиридон с болью писал о том, что в церкви объединились

Христос и кесарь, Евангелие и война и смертная казнь, и виселица, и расстрелы, и гильотины, и электрические стулья; аскетизм и полнейший разнузданный материализм, святость и уличная торговля святынею, молитва и театральная церковная пышность; приношения бескровной жертвы и мракобесие иступленных в неистовом крике диаконов; проповедь слова Божьего и поповские интриги, ханжество и ложная, коварная дипломатия... [Спиридон. *Воспоминания*].

Во взглядах и деятельности архим. Спиридона выделим следующие важные положения.

- Отец Спиридон видит, что «*каторжанин* — это искалеченный, истрадавший, измученный человек, лишенный всех прав и состояний, всеми презираемый, всеми отвергнутый десятками

лет... три адских чудовища: одиночество, обезличенность и ничтожество человеческой личности непрерывно жгут и терзают душу несчастного арестанта» [Спиридон. Воспоминания]. Большинство заключенных были людьми крещеными православными. Архим. Спиридон упоминает также и иноверцев и приводит случаи своих частных бесед с ними и случаи их обращения ко Христу. Но все же основное его свидетельство направлено к крещеным, но не воцерковленным людям. Мы бы назвали сегодня это внутренней миссией.

- Как противовес государственной «справедливости» он видит задачей тюремного священника проявление исключительной любви к арестантам ради свидетельства им о Христе и их обращения к вере. Главная цель и особенность миссионерской проповеди о. Спиридона — восстановление в арестанте опыта любви и доверия к Богу и человеку. Отец Спиридон считает, что

дело пастырей — не одни молебны и панихиды служить, а словом и делом руководить и наставлять на все Христово свою паству... Быть тюремным священником — это значит быть одновременно и молитвенным совершителем таинств, и духовным психиатром, опытным и талантливым педагогом и сведущим религиозным апологетом христианства, и весьма чутким и отзывчивым и нелицемерным отцом [Спиридон. Воспоминания].

Кроме того, должна быть забота церкви об облегчении страданий арестантов в тюрьмах: ограждение от несправедливости тюремного начальства, забота об их правах, возможности восстановления в нормальной жизни после освобождения. Для этого необходимо моральное воздействие церкви на государственную власть. Однако, заявляет о. Спиридон, церковь не делает для заключенных ровным счетом ничего.

- В своих размышлениях о том, как помочь арестантам, о. Спиридон переносится мыслью за пределы тюрьмы и понимает, что нужно убить саму причину зла, которое делает человека арестантом. Причины зла, по его мнению, коренятся в следующем: в пьянстве, характерном для России, в недостаточном церковном влиянии на устройство общественной жизни, в нехристианской жизни православного духовенства⁵, в дурных наклонно-

5. «Что же касается вообще всего нашего русского духовенства, то... В нем отсутствует самоуглубленная постоянная искренность по отношению Христа, оно в своих религиозных отношениях

к Богу всегда без внутреннего самоанализа, казенно и индифферентно. В нем нет нравственной внутренне-творческой, преобразующей его самого молитвы. <...> Все Христово обмирщено, дух

стях русского характера⁶, в антихристианском государственном строе.

- Формы миссии о. Спиридона были традиционными: проповедь с амвона храма, духовно-нравственные беседы, личные беседы. Все это было обычными пастырскими обязанностями, было предписано церковными канонами и, кроме того, правилами «Попечительского общества» для тюремных священников. Но у него получалось эти вещи как бы доставать из-под спуда и оживлять.

- В размышлениях о миссии о. Спиридон упоминает о своем «методe подхода к душе». Он заключается, во-первых, в единстве слова и жизни, во-вторых, содержит четыре характеристики апостольского и пророческого слова: обличение, доказательство, увещание и «божественную силу».

Каким образом проповедник намерен стяжать божественную силу?

Подход христианский к душе человеческой, — пишет он, — это деятельная бескорыстная любовь! <...> Как только я сблизился с арестантами, так сразу понял, что для этого элемента с моей стороны должна быть исключительная любовь к ним. <...> Каторжанин слишком обижен судьбой, слишком озлоблен на все и на всех, и чтобы его вызвать из этого состояния, необходимо нужно священнику стать и стать твердо, обеими ногами, на почву деятельной любви к ним [*Спиридон. Воспоминания*].

Для того чтобы иметь в себе эту любовь, миссионеру нужно:

- Быть очень простым, бесхитростным в своих отношениях с людьми и кристально искренним, не допускать в себе лицемерия, лжи, хитрости и высокомерия.
- Иметь живое сострадательное участие в горе, в несчастье других. «Это горе, это несчастье других нужно делить с людьми и переживать их вместе с тем, кто их имеет в себе самом» [*Спиридон. Воспоминания*].
- Никогда не позволять при людях обнаруживать те или другие свои слабости. «Обнаружение слабостей своих равносильно тому, если бы самому броситься прямо лицом в грязь», — писал о. Спиридон [*Спиридон. Воспоминания*].

Господа в Церкви заменяется духом мира сего, это самое величайшее горе вообще для христианства. То же самое и в католической, и в лютеранской, и в др. церквях» [*Архим. Спиридон. Воспоминания*].

6. «Ибо русская душа и воровата, и сексуальна, и восприимчива ко всему злему, несмотря на ее природную доброту, простоту и искренность» [*Архим. Спиридон. Воспоминания*].

- Иметь евангельский аскетизм, непрестанную молитву, пост в духовном смысле этого слова, слезы покаяния, добровольное рабство ради Христа, кротость, смирение, покорность воле Божьей, полное послушание Христовой истине. Все это вместе взятое и являет божественную силу, которая пронизывает проповедника и покоряет душу его слушателя. В этом, как мы видим, проявляется стремление о. Спиридона нести апостольское преемство в своей тюремной деятельности.

Именно на этой деятельной любви основывалась миссия о. Спиридона. Его проповеди и беседы проникнуты соболезнованием и утешением, а также верой в человека, которой он учился у Христа. Отец Спиридон сам был человеком горячей веры и молитвы, духовно одаренным с детства. Поэтому через встречу с ним для арестантов стала возможной и встреча со Христом.

Мы видим в миссии о. Спиридона определенную *последовательность*. Первый, самый большой блок его проповедей — покаянные. Он повторяет их год за годом, понимая, что разворот ко Христу в арестантах происходит медленно. Опять же для обращения служат и духовно-нравственные беседы с ответами на вопросы заключенных. Они предназначались для грамотных думающих людей и помогали разрешить их сомнения. Следующей ступенью были проповеди, призывающие к самостоятельным шагам в духовной жизни: чтению Писания, молитве, размышлению о Христе.

О содержании слова о. Спиридона: следует отметить, что слово его всегда исключительно *христоцентрично*. В каждой его проповеди и беседе Христос занимает центральное место. Он говорит о Нем как присутствующем здесь и сейчас и имеющем прямое отношение к жизни каждого арестанта. Именно Христос является центром Вселенной, ее светом, животворящей творческой силой, единственным путем жизни.

Многочисленные размышления о творческой природе Христа, которой Он наделяет и человека, перекликаются некоторым образом с мыслью современника о. Спиридона Николая Бердяева о религиозном смысле творчества⁷. Правда, в то время его книга

7. «[Вопрос о религиозном смысле творчества до сих пор еще никогда не был поставлен, такой вопрос не возникал даже в сознании. Это — вопрос нашей эпохи, наш вопрос, вопрос конечный, к которому приводит кризис всей культуры.] Прегние

эпохи знали лишь вопрос об оправдании наук и искусств или создании новых форм общественности, но не знали религиозного вопроса о творчестве, о раскрытии творческой тайны о человеке [в новую мировую эпоху]» [Бердяев, 142–143].

«О смысле творчества» еще не была написана. Вопрос тогда «вital в воздухе». Это в любом случае говорит, что архим. Спиридон современен своей эпохе. Возможно, так же возникла в одной из его проповедей⁸ и тема ценности личности человека для Христа.

Беседы о божественности Христа и научности христианства о. Спиридон строит на доказательствах. При этом хоть он и называет объективным рассмотрение вопроса, однако главным своим доказательством провозглашает каждый раз *опытное переживание* в себе Евангельской жизни. По мнению архимандрита, опыт жизни святых, мучеников, свидетельства Христа о Себе, Его чудеса доказывают, что Он существует как Бог. Такие аргументы нельзя назвать объективными, так как неверующий человек назовет опыт верующего несуществующим, что и происходило со многими людьми той эпохи, и логически опровергнуть его будет невозможно. Отец Спиридон это понимает и в итоге заявляет, что религиозная жизнь по отношению, например, к науке не нуждается ни в каких внешних подпорках, «ибо она сама по себе есть неисчерпаемая первопричина не только для себя самой, но и для убеждений и уверенности в самой истине науки» [*Спиридон. Воспоминания*]. Не Христос нуждается в исторических доказательствах, как историческая личность, а «сама история нуждается в исторической личности Господа как прямом источнике ее бытия, как основном центре ее существования в мире, наконец, как Альфе и Омеге самого ее содержания» [*Спиридон. Воспоминания*]. Такая попытка быть доказательным и объективным весьма характерна для рубежа XIX–XX веков. Д. Бош замечает, что богословам и гуманитариям эпохи просвещения было свойственно считать знание и науку абсолютно надежными и стараться применять их к своим дисциплинам. Они исходили из того, «что только разум в своем традиционном понимании дает возможность для выработки нормативных взглядов, хотя и признавали, что понятие разума эпохой Просвещения совершенно извращено» [*Бош, 370*]. Таким образом, мы видим, что вопрос о соотношении науки и христианства волновал умы многих людей в то время, этим объясняется многократный запрос арестантов на подобные темы.

8. Отец Спиридон пишет: «Самая ценность души или личности человеческой есть ценность не лично самой себе по отношению себя, а ценность именно ее Творца к ней, как к Своей твари. Мало того, что Он ее сотворил, мало того, что Он вложил в нее Свой образ и Свое подобие, мало того, что вложил в нее религию, т. е. познание ею Себя Самого, вло-

жил в нее нерукотворенный закон — нравственность, поставил в ней контроль, различающий добро от зла — совесть, но Он еще облек и Самого Себя в нашу человеческую природу. Он ради нашего спасения пережил Свою страшную Голгофу, крестную смерть и самую богооставленность в Себе Самом» [*Архим. Спиридон. Воспоминания*].

Итак, проповеди и беседы о. Спиридона всегда звучали в современном ему контексте. Это становилось возможным благодаря тому, что о. Спиридон имел:

- живые отношения с Богом;
- личные отношения со своими слушателями;
- активный интерес к происходящему в обществе и ответственность за происходящее.

Проповедник старается найти темы наиболее близкие для слушателя, учитывая особенности каждой тюрьмы (уголовники, политические, женщины).

Отец Спиридон упоминает об общении с *иноверцами*. Ранее, проповедуя с крестными ходами в селениях Алтая, он убедился в бесполезности и даже вреде поспешного крещения иноверцев. Он не ставил перед собой прозелитической задачи. С каждым человеком архимандрит говорил о Христе, о едином Боге, приводя его в небесное Отечество, в единую Церковь, что для человека не всегда означало православную церковь. Таким образом о. Спиридон выходил за рамки просвещенческой парадигмы миссионерства, предвосхищая зарождающуюся экуменическую эпоху. Иером. Антоний (Ламбрехтс), цитируя Льва Зандера, говорит, что о. Спиридон «посвоему был свидетелем “эпифании церкви видимой”» [*Антоний (Ламбрехтс)*, 258]. Мусульманину архимандрит говорил: «Бог всех нас, без исключения народностей и вероисповедания, любит... бесконечную любовью» [*Спиридон. Из виденного*, 59]. На вопрос старообрядца: «Что ты, батюшка, меня посещаешь, или хочешь меня в Никоновскую веру обратить?» — архим. Спиридон отвечает: «Нет, мой друг, я этого не преследую. Для меня важно то, что ты сын Божий и образ и подобие Божие» [*Спиридон. Из виденного*, 59].

К причастию или крещению он готовил людей лично, не торопил события, просил хорошенько подготовиться размышлением, чтением Евангелия, исповедоваться за всю жизнь. О нескольких случаях крещения он упоминает в книге «Из виденного и пережитого». Мы видим, что он удерживает человека от быстрого крещения, учит жить по Евангелию, укрепиться в этом хотя бы несколько месяцев. Как и древние христианские учителя, о. Спиридон заботился, чтобы человек принимал крещение сознательно.

То же и с причащением. Он предлагает готовиться, «опостоянить» в себе духовное настроение, читать Евангелие, молиться Богу. Причем архим. Спиридон считал, что женщине нужно больше времени на подготовку, так как душа ее не так глубока, как у мужчины.

Большое значение архимандрит придавал чтению Писания. В первую очередь он сам читал его ежедневно и настойчиво рекомендовал всем обратившимся ко Христу не только читать, но и заучивать Евангелие наизусть.

О плодах его миссии трудно судить в количественном отношении, так как о. Спиридон не говорит о числе уверовавших. Во многом путь арестантов был самостоятельным, поскольку о. Спиридон бывал в каждой тюрьме лишь 1–2 раза в год, останавливаясь на несколько дней. В остальное время он вел переписку с арестантами. Это можно отметить как недостаток его миссии.

Очевидны следующие результаты его тюремного служения: покаяние арестантов, их желание следовать за Христом; готовность укрепляться на духовном пути; нравственное исправление; свидетельство о Христе другим арестантам.

Сегодня мы живем в другую эпоху — иные люди, иная пенитенциарная система. Применить опыт о. Спиридона целиком в сегодняшних условиях невозможно. Но при этом надо понимать, что для своего времени деятельность архимандрита является вершиной тюремного служения.

Литература

1. *Антоний (Ламбрехтс)* = Антоний (Ламбрехтс), иером. Церковь видимая : Экклезиофания : О Льве Зандере и архимандрите Спиридоне (Кислякове) // Живое предание : Материалы международной богословской конференции, Москва, октябрь 1997 г. М. : СФМВПХШ, 1999. С. 253–258.
2. *Бердяев* = Бердяев Н. А. Смысл творчества : Опыт оправдания человека // Собр. соч. Т. 2. 3-е изд. Paris : YMCA-PRESS, 1991. 452 с.
3. *Бош* = Бош Д. Преобразования миссионерства. СПб. : Библия для всех, 1997. 637 с.
4. *Каледа* = Каледа Глеб, прот. Остановитесь на путях ваших... : Записки тюремного священника. М. : Зачатьевский монастырь, 1995. 138 с.
5. *Ложкина* = Ложкина А. Отец Спиридон Кисляков : Исповедник. Миссионер. Чудак. URL: <http://pacificum.livejournal.com/46447.html> (дата обращения: 01.01.2012).
6. *Радзиловская, Орестова* = Радзиловская Ф., Орестова Л. Мальцевская женская каторга 1907–1911 гг. // Женщины-террористки в России : Бескорыстные убийцы. Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. С. 500–542.
7. *Скоморох* = Скоморох Олег, свящ. Пастырское служение в тюрьме в настоящее время : Курсовая работа выпускника СПбДА. 1998 г. URL: <http://klikovo.ru/db/msg/8647> (дата обращения: 01.06.2012).

8. *Спиридон. Воспоминания* = Спиридон (Кисляков), архим. Воспоминания // Неопубликованные материалы из архива свящ. Петра Зуева. Киев.
9. *Спиридон. Дневники* = Спиридон (Кисляков), архим. Дневники // Неопубликованные материалы из архива свящ. Петра Зуева. Киев.
10. *Спиридон. Из виденного* = Спиридон (Кисляков), архим. Из виденного и пережитого : Записки русского миссионера. Тула : Образ, 2004. 95 с.
11. *Стамулис* = Стамулис И. Православное богословие миссии сегодня. М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. 448 с.
12. *Фудель. Дневник* = Фудель Иосиф, свящ. Дневник священника пересыльной тюрьмы // Православная община. 1991. № 3. С. 67; № 4. С. 57.
13. *Ходыкин* = Ходыкин И. Миссионерское служение в местах лишения свободы: Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев посад : МДА, 2001. 184 с.

M. W. Anisimova

Distinctive Aspects of Missionary Message in Writings and Life of Archimandrite Spyridon (Kislyakov) during His Prison Ministry (1901–1905)

The study focuses on Archimandrite Spyridon (Kislyakov), the widely known early XX century Russian missionary. The paper reviews the forms and methods of Archimandrite Spyridon's evangelical activities during his prison ministry (1901–1905). This period is of particular interest because Archimandrite Spyridon not only delivered sermons at prisons of the Nerchinsk forced labour camp but also wrote them down. The objective of the study is to establish distinctive features of the prison ministry in the context of the early XX century before the revolution, to review the main missionary goals and objectives of the prison ministry and to analyse the homiletic legacy resulting from Archimandrite Spyridon's prison ministry at the Nerchinsk forced labour camp.

KEYWORDS: mission, prison, prison system, Spyridon (Kislyakov), convict, sermon, missionary.